

Александр Чаковский

БЛОКАДА

ТОМ I

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ч 16

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

Чаковский А.

Ч 16 Блокада : роман-эпопея : в 3 т. Т. 1 / Александр Чаковский. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 736 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33391-8

Роман-эпопея Александра Чаковского «Блокада» посвящен героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Охватывая время от событий, предшествовавших нападению Германии на Советский Союз, до прорыва блокады в 1943 году в ходе наступательной операции «Искра», пять книг эпопеи последовательно рассказывают о важнейших этапах одной из самых трагических страниц нашей истории: канун войны, бои на подступах к городу летом 1941 года и тяжелая осень, когда вокруг Ленинграда сомкнулось вражеское кольцо, голод, создание Ладожской ледовой Дороги жизни и, наконец, — прорыв.

Александр Чаковский, сам бывший военным корреспондентом и своими глазами видевший блокадный Ленинград, стремился к максимальной достоверности, опираясь на архивные документы и свидетельства очевидцев. И в итоге смог создать произведение, в котором линия фронта, жизнь в осажденном городе, работа Ставки Верховного Главнокомандования и планы противника сплетаются в единое историческое полотно. Подробно воссозданы ключевые эпизоды: бои за Тихвин и Волхов, сражения в районе Невской Дубровки, показаны внутренние и международные действия советского руководства, обстановка в германском лагере. Но в центре внимания Чаковского — судьбы людей, их поступки, переживания и нравственный выбор.

В настоящий том вошли первая и вторая книги эпопеи.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33391-8

© А. Б. Чаковский (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

I

— Ну а теперь скажи: как ты решился? Как?!

Они сидели в маленьком номере гостиницы «Москва», куда Звягинцева только что переселили. Из Кремля Звягинцев возвращался вместе с Королевым, и жили они вот уже пять дней вместе, то есть в одной гостинице и на одном этаже, только полковник Королев — в отдельном номере, а майор Звягинцев — в общежитии на пять коек.

Однако сегодня, когда они проходили мимо дежурной по этажу и Королев взял ключ от своей комнаты, а Звягинцев уже сделал несколько шагов по коридору, полагая, что у них в номере наверняка кто-нибудь есть, он был остановлен голосом дежурной.

— А вас переселили, товарищ командир, — сказала ему дежурная, невысокая пожилая блондинка с очень бледным лицом альбиноски и ярко накрашенными губами. — И вещи ваши уже перенесли. Чемоданчик. В отдельный номер!

— Вы это мне? — недоуменно переспросил Звягинцев. — Но ведь мы сегодня вечером уезжаем, «Стрелой».

— Не знаю, не знаю, распоряжение дирекции. — Она протянула Звягинцеву ключ, многозначительно улыбаясь, так, точно желая дать ему понять, что говорит далеко не все, что ей известно.

— Здорово! — усмехнулся Королев. — Четко работают! А ну давай, майор, пойдем, покажи свои новые владения.

— Зачем же это? — удивленно поднял брови Звягинцев, когда они вошли в номер — маленькую комнату, в которой

тем не менее умещалось много мебели: письменный стол, два кресла, кровать, застеленная голубым покрывалом, другой стол — маленький, круглый, стоящий посередине комнаты под свисающим с потолка ярко-синим матерчатым абажуром.

Полуоткрытая дверь вела в ванную.

— Чего же я тут буду делать? — растерянно озираясь, сказал Звягинцев. — Ведь через три часа...

Он отвернул рукав гимнастерки и посмотрел на часы.

— Что делать? — переспросил Королев. — Ха! Это ты меня спроси. Я знаю.

Он решительно подошел к письменному столу, снял трубку телефона и, набрав на диске три номера, сказал:

— Ресторан? Значит, так...

...И вот они сидят за круглым полированным столом. Официант только что принес на большом подносе заказанный Королевым ужин — бифштексы, прикрытые, чтобы не остыли, опрокинутыми глубокими тарелками, картошку в металлическом судке, селедку, обложенную колечками лука, бутылку коньяку, рюмки — и, расставив все это на столе, ушел.

— А теперь вот что, — сказал Королев, усаживаясь и вытягивая под столом ноги в до блеска начищенных, плотно облегающих икры сапогах, — и есть не буду, и пить не буду. И тебе не дам. Пока не скажешь. Как же ты решился? Ну давай, давай! Рассказывай.

Звягинцев пожал плечами и смущенно улыбнулся:

— Послал записку в президиум. Не был даже уверен, что дойдет... Вот и все.

— Ну знаешь!

Королев развел руками, потом взял бутылку, пошарил взглядом по столу в поисках штопора. Не нашел, зажал бутылку в своем большом кулаке, энергично покрутил ее, пока жидкость фонтанчиком не устремилась в горлышко, и резким ударом ладони о дно бутылки вышиб пробку.

— Сильно, — снова улыбнулся Звягинцев.

— А у меня батька извозчиком был. Гужевым транспортом владел в одну лошадиную силу. Так он с пробочником обра-

щаться не умел. А ведь раньше бутылки настоящими пробками затыкали. Так что я с детства этот университет прошел.

Он налил коньяк в рюмки, посмотрел на Звягинцева, недоверчиво покачал головой и усмехнулся:

— Значит, говоришь, записку? Вынул блокнотик, черкнул пару слов, и все?

Звягинцев молчал.

— Но хоть кто ты есть — написал? — не унимался Королев. — Может, тебя за какого генерала приняли? Звание-то, звание свое указал?

— Давай выпьем, что ли, Павел Максимович, — сказал Звягинцев, внезапно почувствовав неимоверную усталость, и потянулся к рюмке.

— Нет, погоди! — воскликнул Королев и, быстро протянув руку, накрыл рюмку Звягинцева своей широкой ладонью. — Хочу уяснить. Ну скажи мне кто-нибудь, что Алешка Звягинцев первый в атаку кинулся, — поверю. Мину неизвестной конструкции собственноручно разрядил... Допускаю, вполне возможно. Но тут... Елки зеленые! Сталин! Нарком! Маршалы!.. И вдруг: «Слово предоставляется товарищу Звягинцеву, Ленинградский военный округ!» Я сначала и не понял: как будто все свое окружное начальство знаю, что, мол, еще за Звягинцев такой! Гляжу — мать рбдная — его превосходитьство Алексей Васильевич по проходу шагает... Слушай, вот тебе слово мое даю: если б я в то время стоял, а не сидел, — ноги бы от страха за тебя подкосились!

Королев снова развел руками, потом тряхнул своей тяжелой головой и сказал:

— Ладно. Пьем. Поздравляю! Нет, погоди! — спохватился он и снова прикрыл рюмку Звягинцева ладонью. — Сначала самое главное. О чем тебя товарищ Сталин спросил?

— Ты же слышал.

— Слышал, слышал! Тут от одного факта, что лично его слова слушаешь, голову потеряешь. Всех ораторов записывал, а тут пропустил. Вот, погоди...

И Королев, повернувшись вместе со стулом, потянулся к своему планшету, лежащему на письменном столе, вытащил большой блокнот и стал перелистывать его, приговаривая:

— Так... Мерецков... Грендаль... Кузнецов... А где же ты-то у меня? А ведь я тебя пропустил, майор! Ей-богу, пропустил! Так за тебя переживал, что и не записал. Ну это потом. А сейчас ты мне реплику товарища Сталина повтори. Ну? Только давай слово в слово.

И Королев вытащил вечную ручку из нагрудного кармана гимнастерки, отвинтил колпачок и, встряхнув ручку, приготовился писать.

— Слово в слово не помню, — сказал Звягинцев.

— То, что Сталин сказал, не помнишь? — с искренним недоумением переспросил Королев.

— Слово в слово не помню, — тихо повторил Звягинцев. — Я ведь тоже очень волновался... погоди. Я, кажется, сказал, что у нас не хватало техники, чтобы...

— Я тебя не про то, что ты говорил, спрашиваю, — сердито прервал его Королев, — я слова Иосифа Виссарионовича записать хочу!

— Но я же об этом и говорю, — с неожиданным для самого себя раздражением сказал Звягинцев. — Когда я обо всем этом рассказал, он прервал меня и спросил: «А скажите, вы считаете, что инженерные части должны обладать...»

— Да не торопись ты! — с отчаянием воскликнул Королев. — Что я тебе, стенографистка, что ли! Давай медленнее. — Он локтем отодвинул в сторону тарелку с бифштексом, положил перед собой блокнот и приготовился писать. — «А скажите...» — сосредоточенно водя пером по бумаге, повторил Королев.

— Я не уверен, что он произнес именно эти слова, — прервал его Звягинцев. — И дело, мне кажется, не в букве, а в смысле того, что было сказано.

— Та-та-та-та! «В смысле», видите ли! — передразнил его Королев и уже с обидой в голосе продолжал: — Ну конечно, чего там майору Звягинцеву с каким-то полковником Коро-

левым возиться! Его сам товарищ Сталин слушал, не говоря уже о разных там маршалах и генералах! — Он нахмурил свои густые, чуть тронутые сединой брови и добавил уже иным, холодно-назидательным тоном: — А только меня воспитывали так, чтобы слова товарища Сталина цитировать точно. Не знаю, как другие, а только я...

— Павел Максимович, ну зачем ты так... — снова прервал Звягинцев, чувствуя, что все его раздражение прошло, и внутренне сам удивляясь, как это, в самом деле, он мог забыть слова, сказанные Сталиным, — не смысл вопроса, нет, это он помнил отлично, но сами слова.

Звягинцев попытался сосредоточиться, вспомнить и снова всем существом своим, всеми мыслями перенесся туда, где провел последние четыре дня...

О том, что в Москве созывается ответственное совещание, посвященное итогам недавно закончившейся войны с Финляндией, Звягинцеву стало известно еще две недели назад. Об этом ему сказал начальник инженерного управления округа, когда приказал подготовить материалы о действиях инженерных войск и в случае необходимости выехать с ними в Москву.

Это было вечером, перед самым концом рабочего дня.

Звягинцев вышел из здания штаба и пошел пешком по проспекту 25-го Октября, который все по старой привычке называли Невским, до Литейного, чтобы там сесть на автобус. Звягинцев совершал этот путь каждый день, возвращаясь с работы. Каждый день, с тех пор как кончилась Советско-финляндская война и он вернулся домой, в Ленинград, хотя раньше, до войны, он сэкономил время и, возвращаясь с работы, садился в трамвай уже в самом начале Невского, на углу улицы Гоголя.

За время войны Звягинцеву удалось только один раз побывать в городе, и он поразил его. Вернувшись на короткое время с фронта в штаб, он впервые увидел город погруженным во мрак. Ночная темень там, среди сугробов на Карельском

перешейке, разрываема лишь призрачными огнями сигнальных ракет, казалась естественной, несмотря на грохот артиллерийских разрывов и мягкий свист снайперских пуль — точно умелая мальчишеская рука бросает в воду плоские камешки.

Но тут все воспринималось иначе. Здесь не стреляли, не было снежных сугробов, но вид огромного города, который, сколько помнил себя Звягинцев, каждый вечер загорался десятками тысяч огней, а теперь стоял погруженный во тьму, производил тяжелое, давящее впечатление.

И не только на него одного. Все ленинградцы пережили финскую войну гораздо острее, чем остальные советские люди. Впервые со времен революционных боев и последующей разрухи город погрузился во тьму: ожидали налетов финской авиации. В госпитали и больницы стали привозить раненых и обмороженных людей.

...Хотя прошли уже недели после того, как кончилась война, Звягинцеву все еще доставляло огромное удовольствие пройтись по Невскому, снова сияющему огнями фонарей, окон и витрин, радуясь ощущению, что все по-старому и что привычный ему мир незыблем.

Случилось так, что Звягинцев, один из командиров управления инженерных войск округа, стал в военные месяцы одним из непосредственных помощников начальника управления. Его предшественник уже на второй день войны получил тяжелое осколочное ранение в голову, когда инспектировал передовую линию укреплений.

По опыту своему — ему было всего двадцать восемь лет, и он только два года назад окончил Военно-инженерную академию — Звягинцев, казалось, для такой высокой должности не подходил. И тем не менее он оказался на месте. К тому же Звягинцева любили. Два раза подряд его, так же как и полковника Королева, избирали в бюро партийной организации штаба округа.

И вот теперь, получив приказание готовить материалы для предстоящего совещания в Москве, Звягинцев медленно шел

по Невскому в толпе гуляющих. Навстречу ему и обгоняя его, спешили девушки в беретах, последние годы вошедших в моду, в длинных узких юбках и в туфлях на низком каблуке, юноши, тоже в соответствии с установившейся в последнее время модой, в серых фланелевых брюках и темных, суженных в талии пиджаках, в голубых рубашках с длинными острыми углами воротников и в галстуках, повязанных широким квадратным узлом. На каждом углу продавались цветы. У знаменитого кафе «Норд» стояла небольшая очередь... Все это было так знакомо Звягинцеву, так привычно радовало глаз, что воспоминания о недавней короткой, но кровопролитной, в чем-то серьезно нарушившей привычный ход мыслей войне как-то тускнели и расплывались.

...Что ему предстоит тоже ехать в Москву, Звягинцев узнал всего за два дня до отъезда.

Все остальное произошло быстро и не оставляло времени для размышлений.

Рано утром автобусы доставили приехавших в «Стреле» ленинградских армейцев и моряков в гостиницу «Москва», где для каждого из них, в соответствии со званием и должностью, были уже приготовлены номера и общежития, они успели только поставить свои чемоданы, наскоро побриться и отправились в Кремль. От гостиницы до Спасских ворот было рукой подать — только перейти Красную площадь, но в комендатуре у окошка, где выдавались пропуска, пришлось задержаться: слишком много было народу.

Однако в Андреевский зал Большого Кремлевского дворца все попали вовремя, и только здесь, в зале, очутившись среди высших командиров Красной армии и флота, командующих и начальников различных родов войск, пехотинцев, артиллеристов, летчиков и моряков, Звягинцев понял, куда он так неожиданно-негаданно попал.

На совещании присутствовал Сталин.

Когда он появился из боковой двери президиума и, сопровождаемый идущими на два-три шага позади маршалами и генералами, пошел вдоль длинного, покрытого красным сукном

стола, все в зале встали со своих мест и грохот аплодисментов слился со стуком откинувшихся сидений.

Но председательское место занял не он, а Ворошилов. Рядом сел маршал Советского Союза Тимошенко.

Сталин же, с которого не сводил глаз Звягинцев, сел сбоку в одном из дальних рядов президиума, но уже через несколько минут вынул из кармана трубку, встал и начал медленно прохаживаться за спинами сидящих в президиуме людей. В сером, так хорошо известном по портретам кителе, в прямых, невоенного покроя брюках, заправленных в сапоги, с трубкой в полусогнутой руке, он бесшумно передвигался взад и вперед, иногда присаживаясь на свое дальнейшее место в ряду — разумеется, его никто не занимал — и снова вставая, чтобы продолжить свое медленное и тихое хождение.

Время от времени Сталин останавливал выступающих, задавая им вопросы или бросая короткие реплики.

В зале стояла тишина, но когда Сталин замедлял свой и без того медленный бесшумный шаг и пристально смотрел на оратора или слегка приподнимал руку с зажатой в кулаке трубкой, тишина становилась еще более ощутимой, потому что все понимали: он хочет что-то сказать. И тогда тот, кто стоял на трибуне, невольно умолкал и оборачивался в сторону Сталина.

Совещание длилось несколько дней. С первого же дня оно приобрело острый дискуссионный характер. Один за другим поднимались на трибуну военачальники, чьи имена были хорошо известны Звягинцеву, чьи лица он знал по портретам. Все выступавшие единодушно отмечали, что Красная армия имеет надежное вооружение. И тем не менее, утверждали ораторы, личный состав армии, особенно пехоты, знает военную технику недостаточно и не умеет ее использовать в зимних условиях. Почти все говорили о том, что северо-западный и северный театры военных действий были плохо подготовлены к операциям, о нехватке минометов и лыж, которыми в большом количестве обладали финны, о ненадежности радиотехнических средств связи и управления, о неудобстве нашего зимнего обмундирования...

Если бы в эти минуты кто-нибудь посоветовал Звягинцеву подняться на трибуну и выступить, то он воспринял бы это так, точно ему предложили прыгнуть с самолета без парашюта.

Почему же он все-таки решился? Как все это случилось?..

А произошло это так.

То ли кому-то из военного руководства показалось, что совещание приняло слишком острый критический характер, то ли просто некоторые из военачальников почувствовали, что их самолюбию, престижу может быть нанесен слишком сильный удар, но, так или иначе, в предпоследний день совещания Звягинцев ощутил в речах кое-кого из ораторов новый, несвойственный предыдущим выступлениям успокоенный тон.

Один из маршалов всю свою речь посвятил силе и доблести Красной армии, прорвавшей неприступную линию Маннергейма, при этом не сказав ни слова о том, какой ценой достался нам этот прорыв.

«Зачем он об этом здесь, на таком совещании?!» — с горечью спрашивал себя Звягинцев. Разумеется, он, всю войну проводивший в войсках, не хуже других знал и о неприступности линии Маннергейма, самом сильном укреплении из тех, которые доселе были известны, и об отваге штурмовавших эту линию красноармейцев.

И когда об этом писали в газетах, Звягинцев принимал все слова как должные.

Но здесь, на таком совещании, в присутствии самого Сталина, который должен знать полную правду об этой войне...

Внезапно Звягинцеву показалось, что он снова там, на Карельском, и тогда все, все опять встало перед его глазами: снежные сугробы, застрявшие в них орудия, разбитые танки, обмороженные люди, затемненный Ленинград... В ушах зашвистел ветер, и он уже не слышал ничего, кроме этого ветра, пулеметных очередей и взвизгивания снайперских пуль. А потом все исчезло, все, кроме белого листка блокнота, лежащего перед ним на пюпитре.

И тогда, сам еще не сознавая, что делает, почти автоматически Звягинцев написал на этом листке: «Прошу слова», звание свое и фамилию, вырвал листок и чисто механическим жестом дотронулся до плеча сидящего перед ним бритоголового комбрига.

Тот чуть повернулся, скосил на Звягинцева уголок глаза и протянул из-за плеча руку с растопыренными пальцами. И Звягинцев передал ему сложенную вчетверо записку.

Ощущение реальности всего происшедшего пришло к Звягинцеву минутой позже. Он понял, что совершил теперь уже непоправимую глупость: в отличие от большинства ораторов, не подготовившись, без написанного заранее текста, на таком — таком! — собрании попросил слова.

Его следующей мыслью было: задержать записку, не дать ей дойти до президиума, вернуть, изорвать на мелкие клочки. Звягинцев даже приподнялся, вглядываясь в спины сидящих перед ним людей, стараясь по их движениям определить, кто именно и кому передает в данный момент этот злосчастный листок. Но тщетно! Казалось, что все люди в передних рядах сидят не шелохнувшись или сосредоточенно делают записи в своих блокнотах.

Тогда Звягинцев стал утешать себя надеждой, что записка его, путешествуя по рядам, затерялась, что кто-то, поглощенный речью очередного оратора, отложил ее, забыл передать дальше или просто уронил.

Звягинцев перевел свой взгляд туда, к президиуму, точнее, к едва различимому с того места, где он сидел, ящику для записок, стоящему на маленьком столике. Но как будто никто из первых рядов не выходил к этому столику.

И когда высокий, подтянутый, с хорошей строевой выправкой военный, в очередной раз появившись откуда-то сбоку, подошел к столику и опустил руку в ящик, чтобы вынуть накопившиеся записки и передать их в президиум, Звягинцев почти успокоился: он был уверен, что его записки в ящике не было.

Чисто механически он стал наблюдать за военным. Тот легким шагом, держа перед собой вытянутую руку с записка-

ми, поднялся по лесенке, ведущей в президиум, сделал несколько шагов, обходя ряды и, видимо, желая пробраться к председательствующему на этот раз Тимошенко, но увидел идущего прямо на него Сталина, поспешно, совсем по-граждански повернулся, потом побежал назад и, положив записки перед сидевшим у самого края стола генералом, сбежал по лесенке вниз и исчез. Генерал, не читая, аккуратно сложил записки в стопку и передал соседу — тоже генералу, хорошо известному по портретам. Так, путешествуя по ряду, они дошли до Тимошенко.

«А вдруг... и моя там? — снова с тревогой подумал Звягинцев. — А что, если я не заметил...»

«А, ерунда!» — успокоил он себя. Если даже предположить, что записка дойдет или уже дошла до президиума, ему все равно не дадут слова. Кто он такой, кому он известен? Да и совещание, по слухам, вообще должно завтра закончиться. И говорят, что еще предстоит выступление самого Сталина...

Звягинцеву дали слово на вечернем заседании.

В первую секунду после того, как председательствующий объявил его фамилию, Звягинцев не двинулся с места. Он понял, что ведет себя нелепо, глупо, лишь после того, как в зале началось легкое движение и люди стали оборачиваться и поглядывать по сторонам в поисках объявленного оратора.

И тогда Звягинцев вскочил и быстрым шагом, чуть ли не бегом направился по проходу к той далекой и страшной лесенке, ведущей в президиум.

...Он не помнил, как говорил, но хорошо помнил — о чем. Без подготовленного текста, даже без конспекта Звягинцев произнес вслух то, о чем думал во время так задевшего его выступления маршала на утреннем заседании. В эти минуты он не видел перед собой людей, забыл и о тех, кто сидел за его спиной, — о маршалах, генералах и адмиралах, рядом с которыми он в обычное время не мог бы представить себя даже мысленно.

Звягинцев говорил о том, что совсем недавно испытал сам, о чем столько раз было уже переговорено с друзьями, — о том,

что финны, создав предполье перед главной полосой обороны и при отходе разрушив за собой все мосты и дороги и ведя бои на промежуточных рубежах, обеспечили себе тем самым возможность более упорного сопротивления. Преодолеть их сопротивление в короткие сроки можно было, только имея полноценное и правильно распределенное техническое обеспечение...

— ...А у нас его не было, не было! — со страстью и горечью произносил Звягинцев. — Каждый метр преодоленного пути, каждую заколоченную под снайперским огнем противника сваю, каждый пролет наведенного моста нам приходилось оплачивать большой кровью... Мы не жалуемся, нет, — еще более волнуясь, продолжал Звягинцев, — мы знаем, что война — это и кровь и лишения. Но если бы мы имели достаточно инженерной техники, имели бы по-настоящему подвижные саперные части, тогда...

И в этот момент Звягинцева прервал Сталин. Звягинцев не видел Сталина и не догадался, что тот хочет что-то сказать. Поэтому, несмотря на то что весь зал видел, как Сталин подошел к дальнему торцу стола президиума, чуть выступив на авансцену, и плавным движением приподнял перед собой руку с зажатой в кулаке трубкой, как делал тогда, когда хотел обратиться к оратору, — Звягинцев тем не менее продолжал свою речь. Более того, даже заметив, что все взоры, все внимание зала переместилось куда-то в сторону, даже сообразив наконец, что Сталин хочет что-то сказать, Звягинцев все же говорил не умолкая.

Он просто испугался, что ему не дадут высказать того главного, ради чего он поднялся на эту трибуну, и продолжал говорить все быстрее и быстрее.

Он умолк только тогда, когда отчетливо увидел, что все, кто был в зале, повернули головы влево, к Сталину. Тогда наконец Звягинцев понял всю бестактность своего поведения, почувствовал, как загорелось его лицо, и остановился на полуслове, так и не закончив начатую мысль.

И тут он услышал тихий, лишенный каких-либо интонаций голос Сталина:

— А скажите, товарищ Звягинцев, вы, следовательно, считаете, что инженерные войска должны обладать техникой такой же подвижности, как и все остальные рода войск? Мы вас правильно поняли?

Несколько мгновений Звягинцев молчал. Он был настолько смущен, ошарашен обращением к нему Сталина, что даже не вник в сущность его вопроса. Ему показалось, что Сталин намеревается еще что-то сказать и ему, Звягинцеву, теперь надлежит молчать. Молчать и слушать.

Но уже очень скоро по напряженной тишине в зале, по лицам людей, снова обративших на него свои взоры, он понял, что надо отвечать, немедленно отвечать.

«Что же он меня спросил? Что?!» — мысленно и с отчаянием старался вспомнить Звягинцев. «Ах да, ну конечно, подвижность инженерных войск!» — в следующую же секунду повторил он про себя.

И тогда очень громко сказал:

— Конечно, товарищ Сталин, именно так!

И поспешно добавил, как бы беспокоясь, что Сталин не поймет смысла его ответа:

— Ведь только в этом случае мы сможем обеспечить быстрое движение другим родам войск, особенно танкам и артиллерии.

Сталин сделал движение рукой с зажатой в ней трубкой, которое могло означать все что угодно, в том числе и то, что он разделяет точку зрения Звягинцева. Но тому показалось, что Сталин все же не понял его.

И тогда, боясь, что сейчас Сталин скажет нечто такое, что опровергнет его мысль, откинет ее как нечто несущественное, Звягинцев стал торопливо и сбивчиво говорить о том, что происходит на поле боя, когда танки и бронемашины уходят вперед, а потом беспомощно останавливаются перед взорванными мостами, надолбами и противотанковыми рвами, по-

тому что нет саперов, потому что они остались где-то далеко позади или у них нет механизмов для скоростных работ...

Он очнулся, только уже сидя на своем месте. Не помнил, как кончил свою речь, как шел по проходу к своему дальнейшему ряду.

На трибуне стоял уже другой оратор, генерал, фамилию которого Звягинцев не расслышал, да он и вообще ничего не слышал и не видел, будучи весь под впечатлением всего происшедшего и еще не чувствуя того огромного облегчения, которое пришло несколькими минутами позже.

Последним на совещании выступил Сталин.

...И вот теперь, сидя в номере, куда его так неожиданно перевели и который фактически был ему уже не нужен, слушающая настойчивые вопросы своего сослуживца по штабу округа, полковника Королева, Звягинцев снова и снова пытался восстановить в своей памяти то, что сказал Сталин, — не ту реплику, нет, а всю речь.

Он не записывал ее, как это делали все соседи по ряду. Сам факт, что он, Звягинцев, непосредственно слушает Сталина, захватил его целиком. Он только слушал и смотрел на Сталина, стараясь не пропустить не только ни одного его слова, но запомнить все: облик, движение руки, манеру говорить...

Но было и нечто другое, что мешало Звягинцеву записывать речь.

Дело заключалось в том, что уже после первых произнесенных Сталиным фраз — и чем дальше, тем больше, сильнее — Звягинцев ощутил, что за всем тем, что Сталин произносил вслух, скрывалась какая-то главная, еще не высказанная мысль, какой-то скрытый подтекст.

Звягинцев понял его не сразу.

Сталин говорил о том, что еще предстоит сделать для улучшения боевой подготовки командного, особенно младшего, состава армии, о дисциплине, политической работе, об усилении минометного вооружения, о взаимодействии родов войск,

о том, что культ традиций и опыта гражданской войны помешал нашему командному составу быстро перестроиться на новый лад, перейти на рельсы современной войны, и многое другое, чего Звягинцев сейчас не мог вспомнить. Да, он говорил и о финской войне, и все примеры его, все факты, на которые ссылался, были взяты из практики недавних боев.

И все же за всем тем, что говорил Сталин, — Звягинцев хорошо ощутил это — стояла какая-то прямо не высказанная, но главная, тревожная мысль.

И когда она, эта мысль, дошла наконец до Звягинцева, все его внимание сосредоточилось именно на ней, на этой главной мысли, которая, точно подводная лодка, то чуть всплывала над поверхностью, то уходила вглубь.

И теперь уже у Звягинцева не было сомнений в том, что, говоря о финской кампании, Сталин все время думал о другой, несравненно более опасной, несравнимой по масштабам решающей битве, которая нам предстоит и о которой все эти годы неотступно размышлял каждый военный человек: о неизбежности войны с гитлеровской Германией. Мысль об этом сквозила в речи Сталина уже совсем очевидно, когда он стал говорить о том, что гитлеровская военная машина во много раз сильнее финской.

Казалось, Сталин хочет, чтобы все присутствующие в этом зале, вся армия, весь народ поняли, что предстоит страшная, истребительная война, противоборство двух систем, двух непримиримых идеологий — коммунистической и фашистской.

Под впечатлением этой главной, решающей мысли находился сейчас Звягинцев, и от нее, сам того не сознавая, его настойчиво отвлекал Королев.

— ...Значит, не помнишь слов товарища Сталина? — снова спросил полковник. — Вроде бы склероз у тебя не по возрасту. Ну ладно, — он безнадежно махнул рукой, — придется у других спросить. Ну так или иначе — поздравляю! Выпьем, что ли, по этому поводу?

Они выпили. Королев подхватил вилкой ломтик селедки и, похрустывая луком, продолжал:

— Конечно, если бы он в своей речи прямо тебя поддержал — считай себя завтра уже подполковником. Впрочем, и так — чем черт не шутит! На таком совещании слово дали, его, — он с ударением произнес это местоимение, — внимание привлек, шутка ли! Интенданты-то, видишь, четко работали! — Он подмигнул и оглядел номер. — Есть и полковники, которых по двое расселили. А тут... словом, давай по второй!

Они снова выпили.

Королев расстегнул воротник гимнастерки, расслабил поясной ремень и, откинувшись на спинку стула, спросил:

— Ну а какой ты сделал вывод из его речи?

— Надо укреплять армию, — задумчиво ответил Звягинцев.

— Ну это ясный факт, — нетерпеливо заметил Королев, — только я сейчас не об этом. Как полагаешь, перемены будут?

Звягинцев вопросительно поглядел на него.

— Ну что ты, маленький, что ли? — недовольно продолжал Королев. — Я наш округ имею в виду. Перемещения будут? Ну... и вообще. А? По-моему, неизбежно.

Он снова склонился над столом, деловито разлил коньяк по рюмкам и принялся за бифштекс.

— Я сделал иной вывод, — сказал Звягинцев. — По-моему, неизбежно другое. Придется воевать с Гитлером.

— О-то-то-то! — рассмеялся Королев, поднимая вилку с куском мяса. — Скажите, какой пророк! Конечно придется! Рано или поздно. Это и ребенку ясно.

— Хорошо, если бы не рано... и не поздно, — тихо сказал Звягинцев.

Лицо Королева внезапно стало серьезным.

— Это ты, пожалуй, прав, — сказал Королев, расправляя складки на ставшем влажным белом подворотничке. — Сей-

час, кажись бы, и рановато, а? Вот кое-какие выводы для себя сделаем, тогда пускай лезут. Ладно, — он махнул рукой, — давай мясо есть, остынет.

Он придвинулся поближе к столу и снова принялся за бифштекс. Некоторое время они ели молча. Королев шумно и с аппетитом, Звягинцев нехотя ковырял вилкой жесткое мясо. Наконец он отодвинул тарелку.

Поведение Королева, его манера разговаривать раздражали Звягинцева. Он считал заместителя начальника штаба неглупым человеком и военным до мозга костей. Казалось, что он родился в сапогах и гимнастерке — представить его себе в пиджаке и брюках навыпуск Звягинцев просто не мог. Вся сознательная жизнь Королева — это было хорошо известно работникам штаба — прошла в армии. И все его интересы, все мысли были всегда связаны с армией. Звягинцев знал об этом. Но то, что Королев сейчас, после такого совещания, когда речь шла о делах, жизненно важных не только для армии, но и для всей страны, разговаривал с ним в такой подчеркнута беспечной, даже фанфаронистой манере, раздражало Звягинцева. «Может быть, он так говорит со мной потому, что хочет, так сказать, поставить на место? — подумал он. — Бойтся, что зазнаюсь? Хочет подчеркнуть, что, хотя я и получил слово на таком ответственном совещании, для него, полковника, участника Гражданской войны, все же остаюсь мальчишкой, из молодых, да ранний?»

Эта мысль, разумеется, не только не успокоила Звягинцева, но еще больше распалила его.

— Не понимаю, Павел Максимович, — сказал он, — неужели именно в такую минуту у тебя разыгрался аппетит?

— А что? — грубовато переспросил Королев. — Для солдата подзаправиться — первое дело. Голодный солдат — не солдат, советую усвоить.

«Не хочет говорить всерьез, — с еще большей обидой подумал Звягинцев. — Шуточками отделяется. Полагает, что до серьезного разговора я еще не дорос».

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ЧАКОВСКИЙ

БЛОКАДА

Том 1

Ответственный редактор Екатерина Дубянская

Художественный редактор Владимир Гусаков

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Светланы Шведовой

Корректоры Ольга Попонина, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.10.2026.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-ARL-42768-01-R